

Отзыв
официального оппонента
о диссертационном исследовании **П.В. Гращенкова**
«Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация П.В. Гращенкова посвящена одной из наиболее фундаментальных проблем семантики и вообще лингвистики – проблеме композициональности. Принцип композициональности, согласно формулировке Барбары Парти, к которой апеллирует автор диссертационного исследования, состоит в том, что «значение целого есть функция значений его частей и способа их синтаксического комбинирования» [Partee 1995: 313]. Принятие принципа композициональности в качестве основного принципа языковой организации предполагает наличие общих правил семантического взаимодействия всех значимых языковых единиц. Однако необходимо отметить, что возможная область применения, а в последние десятилетия и само существование принципа композициональности в качестве организующего принципа языка являются объектами бурных лингвистических дискуссий, что определяет **актуальность** рецензируемого диссертационного исследования. Кроме того, как отмечает автор, проблема композициональности в последнее время актуализировалась в связи с развитием методов автоматической обработки текста, и выбором между алгоритмами, устроенными по композициональному или некомпозициональному принципу.

Целью исследования является изучение вопроса о применимости принципа композициональности к тем языковым явлениям, в применении к которым в лингвистике закрепился термин «конструкция», т.е., в тех случаях, когда языковое выражение не может быть представлено как результат композиции своих частей. Цель автора состоит в том, чтобы показать, что как минимум рассматриваемые в диссертационном исследовании явления могут быть проанализированы в рамках последовательно композиционального подхода. Кроме того, автор ставит целью провести корректные границы между лексическим и синтаксическим компонентами в рассматриваемом им материале. Для достижения этих целей автор проводит систематическое исследование материала ряда разноструктурных языков в терминах формального синтаксиса, используя при этом методы синтаксической типологии и сопоставительной лингвистики.

Новизна диссертации обусловлена тем, что проблема композиционности исследуется на широком типологическом материале разноструктурных языков, причем в применении к явлениям разных уровней языка. Автор последовательно применяет принцип композициональности для объяснения механизмов явлений, которые, казалось бы, являются примерами нарушения этого принципа. Кроме того, в рамках диссертационного исследования более подробно, чем это ранее делалось в лингвистической литературе, рассматриваются многие конкретные языковые интересные проблемы (например, изучение регулярных правил, действующих при образовании сложных слов, и сравнение их с синтаксическими; семантика и синтаксис русского генитива качества; свойства русских обособленных оборотов и многие другие).

Теоретическая значимость диссертационного исследования П.В. Гращенкова определяется тем обстоятельством, что в нем на примере типологически и структурно обширного языкового материала приведены убедительные аргументы в пользу применимости принципа композициональности к анализу широкого круга разноуровневых языковых явлений. Кроме того, продемонстрирована разница в его функционировании на разных

участках языка: морфологические правила сопоставимы с синтаксическими, однако не эквивалентны им.

Более того, рецензируемое исследование вносит теоретический вклад в решение давнего лингвистического спора об усвоении языка. Как отмечает сам автор, «существование языковой способности, специфичной для человека и отличающей его от других биологических видов» и сводимой «к умению человека комбинировать однотипные элементы и создавать из них все бесконечное множество высказываний, наделяя такие высказывания интерпретацией, иногда не имеющей отражения во внеязыковой действительности» помогает «в числе прочего объяснить парадоксально быстрое и «качественное» усвоение языка ребенком и отсутствие генетической предрасположенности к конкретному языку у того или иного этноса» (с. 19).

Помимо перечисленного, в диссертационном исследовании предложены интересные теоретические решения в области управления, на примере управляющих свойств прилагательных. Наконец, хотелось бы отметить значимые теоретические результаты в области решения многих конкретных языковых проблем, в частности морфосинтаксиса сложных русских прилагательных, семантики и синтаксиса русского генитива качества, аргументной структуры русских прилагательных, семантики и синтаксиса русских обособленных оборотов.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в разработке принципа применения композиционального подхода к анализу целого ряда морфосинтаксических и семантических явлений в типологически разных языках. Предложенные в диссертационном исследовании механизмы морфологического и синтаксического анализа могут быть использованы для дальнейших исследований в этом русле на материале других языков и языковых явлений.

Кроме того, важным практическим результатом является созданный автором прототип автоматической системы анализа русских сложных слов, приводимый в приложении 2 (с. 664-672) и предназначенный для автоматического определения морфологических признаков словоформы, разбиения сложного слова на части, а также определения семантических отношений между ними.

Выдвигаемые утверждения представляются **обоснованными**, а полученные результаты – **достоверными**.

Диссертация имеет прозрачную и логически обоснованную композицию; разнообразный языковой материал подается в легкой для восприятия форме; сложные теоретические построения изложены ясно, логично и очень понятно; количество опечаток и стилистических огрехов невелико. Дополнительным достоинством диссертации является ее хорошо разработанный справочный аппарат – она снабжена не только списком литературы, но и многочисленными другими указателями – списком используемых глосс, указателем терминов, внушительным списком упоминаемых и исследуемых языков и некоторыми другими. Гармоничным дополнением диссертации служат два приложения – инструкция по использованию веба в качестве языкового корпуса и описание уже упоминавшегося прототипа программы анализа сложных слов.

Многие предлагаемые описания и решения изящны и остроумны; приведем в качестве примера подробное описание особенностей выражения и сферы действия отрицания в тюркских языках (с. 411-420), а также тонкое и глубокое описание семантических и синтаксических особенностей русского генитива качества (с. 504-522).

Вместе с тем – и это неизбежно при анализе столь сложной, спорной и многоаспектной проблемы как композициональность, в диссертационном исследовании имеется ряд спорных утверждений, а также некоторых неучтенных или недостаточно объясненных моментов. При этом хочется сказать, что это можно отнести к числу достоинств рецензируемой диссертации, поскольку она, безусловно, стимулирует размышления и дискуссию.

Итак, во-первых, можно высказать некоторые замечания общетеоретического характера.

1) Некоторые положения, выносимые на защиту, представляются не вполне корректно сформулированными. Так, положение «Принцип композициональности применим к словарю. Существуют элементы лексикона, представляющие собой результат действия регулярных правил построения и интерпретации» может восприниматься как чересчур общее, поскольку наличие узкого круга композициональных явлений в лексике (а в диссертационном исследовании рассматривается лишь небольшой и относительно четко структурированный фрагмент огромного множества лексико-семантических явлений) не позволяет говорить о применимости принципа композициональности к анализу всех лексических явлений, даже в пределах одного языка. В другой интерпретации оно может восприниматься как недостаточно информативное, поскольку найдется не так много исследователей, в том числе работающих в рамках грамматики конструкций (направления, в котором представлено в целом скептическое отношение к принципу композициональности), которые возьмутся утверждать, что лексика не является системно организованным фрагментом языка или что в ней полностью отсутствуют правила.

Представляется, что вопрос о композициональности не может быть однозначно и раз и навсегда разрешен в ту или иную сторону: безусловно, в языке содержится огромное количество явлений, которые могут быть адекватно описаны при помощи правил, в том числе всякого рода семантических сдвигов, но также имеется и огромное количество явлений, которые не поддаются такого рода анализу.

2) Положение о том, что «термин «конструкция» не имеет статуса теоретического инструмента и является описательным», также представляется спорным. Даже если принять это положение применительно к проанализированному в диссертационном исследовании материалу, остается огромное пространство не затронутых в диссертации явлений, относительно которых валидность конструкционного подхода никак не опровергается. Возможно, в качестве доказательства можно было бы рассматривать экспериментальное исследование: известно, что подобного рода попытки предпринимались для обоснования валидности конструкционного подхода; упомянем, например, ряд работ Майкла Томаселло, посвященных усвоению языка детьми в контексте грамматики конструкций.

Во-вторых, спорными представляются и некоторые конкретные языковые суждения.

1) На с. 29 приводится в качестве ожидаемой следующая схема деривации для английской формы *unhappier*: *happy* → *happier* → *unhappier*. Затем на основе анализа значения *unhappier* предлагается альтернативная схема деривации: *happy* → *unhappy* → *unhappier*. Остается непонятным, почему «внешняя форма примеров типа *unhappier*» образуется по изначально упоминаемой схеме. Откуда это может быть известно, если вообще подобного рода примеров, за исключением *unhappier*, практически нет (ср. отсутствие в миллиардном корпусе skell.sketchengine.co.uk форм типа **unsafier*, **unlikelier*)? И почему за ожидаемую берется схема деривации, в которой словоизменительная деривация предшествует словообразовательной? Ведь более естественно предположить, что сначала образуется новое слово, а потом уже оно изменяется по формам, а не наоборот.

2) На с. 32 утверждается, что в русском языке полные формы прилагательных с зависимыми возможны только в атрибутивной, но не в предикативной функции: ср. возможность *Если [злая [на вас]] девушка молчит, то лучше её не перебивать* vs. невозможность **Девушка [была [злая [на меня]]]*. В целом соглашаясь с этим утверждением, хочу все же отметить, что, во-первых, кажется, что оба приведенных примера не слишком хороши. Во-вторых, представляется, что степень приемлемости-неприемлемости подобного употребления в какой-то степени зависит и от типа прилагательного, и от конструкции. Так, если прилагательное стоит в форме творительного падежа, запрет ослабляется; ср. примеры из НКРЯ: *Все остальные временные интервалы, используемые в модели, должны быть кратными этому минимальному интервалу*. [А. Ю. Савинков. Синхронизация и верификация в имитационном моделировании // «Информационные технологии», 2004]; *Таким образом, если до переворачивания трубки давление на поверхность воды было равным нулю, то в*

перевёрнутой трубке давление на поверхность воды станет равным р. [Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7-9 кл. (2003)] *Эта цифра (...) была кратной трем* [Виктор Конецкий. На околонаучной параболе (Путешествие в Академгородок). Повесть (1978)].

3) На с. 33 утверждается, что обособленное употребление одиночного прилагательного с именной группой, в отличие от обособленного употребления сочиненных прилагательных «представляется неграмматичным»; ср. приводимый пример *Прошлые и подрастающие, все звезды в основном остались дома*, при невозможности **Прошлые, все звезды в основном остались дома* и **Подрастающие, все звезды в основном остались дома*. Заметим в скобках, что и пример с сочиненными прилагательными не кажется нам безупречным. Однако вообще представляется, что данное явление устроено несколько тоньше (мы отчасти опираемся на анализ пролептических и обособленных конструкций в работе В.З.Санникова «Пролептические и близкие к ним конструкции» в составе коллективной монографии 2010 года «Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря» под ред. Ю.Д. Апресяна). Приведем примеры возможного обособленного употребления одиночных прилагательных: *Разочарованный, он решил остаться дома*; *Обиженный, он все-таки пошел к ней*; *Усталые, они, переругиваясь, складывают свой товар в чемодан на колесиках*. [Юлия Вишневецкая. Призрак коммунизма. Как раз и навсегда разрешить вопрос о человеческом счастье // «Русский репортер», № 25 (104), 02-09 июля 2009, 2009]. Здесь, в отличие от приводимых автором диссертации примеров, одиночное употребление возможно, поскольку возможно установление каузальных либо уступительных отношений между обособленным прилагательным и остальной клаузой. Для прилагательных *прошлый* и *подрастающий* такие интерпретации невозможны и поэтому невозможно обособленное употребление. Таким образом, данное явление, опять-таки, не сводится к чисто синтаксическим ограничениям, а мотивируется семантикой.

4) На с. 41, рассматривая сложные прилагательные с сочинительным отношением основ типа *кисло-сладкий* или *красно-белый*, автор утверждает, что «в случае сочинительной структуры элементы, лежащие в основе сложного слова, равноправны с точки зрения синтаксиса, а отношения между ними (и всей составляющей) симметричны». Однако если имеет место полное равноправие, то почему нет образований типа **сладко-кислый* или *??бело-черный* (2 вхождения в НКРЯ). Конечно, сочинительные отношения предполагают существенно большее равноправие элементов, но можно ли говорить о полном равноправии при невозможности инверсии?

5) На с. 49 выдвигается гипотеза о том, что в русском языке запрещено «образование сложных адъективных основ с участием второй основы-прилагательного» и в качестве одного из примеров этого запрета приводится несуществующее прилагательное **душевредный*. Возникает вопрос, каким образом автор объясняет существование прилагательного *душеполезный*, образованного «запретным» способом. Впрочем, и «несуществующее» прилагательное *душевредный* встречается в НКРЯ 49 раз, т.е. как минимум потенциально оно существует.

6) На с. 54 формулируется семантическое правило для прилагательных *свеже-* и *ново-* (*новоиспеченный, свежесрубленный*); утверждается, что они «равнозначны сочетанию *только что*». Однако представляется, что приводимое в списке прилагательное *свежезамороженный* имеет значение ‘замороженный в свежем виде’, а не ‘замороженный только что’, ср. примеры из НКРЯ: *свежезамороженные опята китайского производства, рынок свежезамороженной растительной продукции*.

7) На с. 70 утверждается, что нет случаев, когда в словообразовательной «модели прилагательное + существительное прилагательное можно было бы заменить на причастие». Это высказывание представляется не вполне точным: ср. композиты *бритоголовый* и *тающе-нежный* (последнее представлено в Интернете; ср. *тающе-нежный тирамису*).

8) На с. 72 утверждается, что «генитивная морфема в составе сложного слова» типа *двухкомпонентный, пятикомнатный, сорокаметровый* «не восходит к генитивной зависимости проекций *два компонента, пять комнат, сорок метров* от своих вершин». Это утверждение

кажется спорным, т.к. хотя подобные композиты, как справедливо утверждает автор, нельзя возвести к беспредложному генитиву вида *двухкомпонентный анализ – анализ двух компонент*, их вполне можно возвести к генитивной конструкции с предлогом:

трехнедельный отпуск - отпуск в течение трех недель
пятикомнатная квартира - квартира из пяти комнат
двухлетний ребенок - ребенок двух лет от роду
двухметровый человек - человек двух метров роста

Для обозначений роста и особенно возраста возможно, кажется и употребление в беспредложной конструкции; ср. пример из НКРЯ: *Студенточка двадцати лет, сорока семи килограммов весу...* [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].

9) На с. 120-121 обсуждается невозможность композитов, в которых сочетается сразу несколько моделей словообразования. Она иллюстрируется в том числе неграмматичными примерами вида **забелооблачный*, **причерноморский*. В целом соглашаясь с этим утверждением, мы хотели бы его несколько уточнить: такого рода деривационная модель невозможна, если она происходит в один этап, однако двухэтапная деривация в некоторых случаях возможна: ср. существующие композиты *Причерноморская низменность*, *Прибеломорский район Карелии*.

10) На с. 145 прилагательное *кислородно-водородный* дано под звездочкой как неправильное, однако и в Интернете, и в НКРЯ встречаются примеры его употребления: *В первой модификации, имеющей внешний диаметр 3, 05 м, используется один жидкостной кислородно-водородный двигатель RL10A-4-2* [Ракеты-носители семейства «Атлас-5» (2004) // «Зарубежное военное обозрение», 2004.07.26].

11) На с. 159 утверждается, что «единственный случай, когда *сам* действительно представляет пример одушевленного агенса – имена деятеля типа *самоубийца*, где источником агентивной семантики является не глагольная основа и привносимая ей функциональная структура, а суффикс со значением агенса *-(е)ц* и др.». В целом это наблюдение представляется верным, однако остаются необъясненными контрпримеры типа *самопровозглашенный патриарх* (НКРЯ).

12) На с. 288 автор цитирует работы [Levin 2008] и [Beavers, Koontz-Garboden 2012], которые содержат следующее разделяемое автором положение: «неодушевленный субъект при английских глаголах образа действия неуместен». В связи с этим можно упомянуть следующий контрпример: *The new detergent cleaned our cloth diapers very well*, с неодушевленным субъектом *detergent* при глаголе образа действия *to clean*. Кажется, что определение возможности/невозможности подъема Инструмента или Средства до синтаксической позиции субъекта зависит от типа Инструмента или Средства, в частности, от степени их автономности (см. об этом работу Fellbaum, Rapoport 2013).

13) На с. 312 встречающиеся в Интернете примеры типа *Плюсы липосакции и минусы становится предметом постоянных споров обеих сторон* справедливо характеризуются как неграмматичные. Однако необходимо уточнение: с местоимением запрет на такого рода конструкции намного слабее; ср. вполне нормальный (возможно, книжный) пример *Кожа девочки еще хранит цвета жизни, а глаза ее и губы полуоткрыты*.

14) На с. 368 при обсуждении русского глагола *взять* в полуслужебном употреблении вида *А он возьми (да / и) сбеги* было бы уместно упомянуть работы, посвященные этой конструкции – например, [Veugens 1980], [Прокопович 1980], [Fortuin 2000; Фортейн 2008], [Kog Shahine 2007].

15) На с. 412 непонятен перевод примера 4.149 ‘Ребенок время прыгает (такой подвижный вырос).’

16) Соглашаясь с утверждением об обязательном наличии прилагательного при русском генитиве качества (с.522), упомянем все же вошедшие в русский язык устойчивые выражения типа *муж силы*.

Однако высказанные замечания носят по большей части дискуссионный или частный характер и не умаляют несомненных достоинств исследования.

Рецензируемая диссертация полностью соответствует пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании проведенных автором исследований разработаны теоретические положения, которые можно квалифицировать как научное достижение, и решены научные проблемы, имеющие важное значение для типологического и теоретического направления языкознания.

Автореферат и публикации по теме работы, в том числе статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают ее основное содержание. Работа содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Таким образом, рецензируемое диссертационное исследование полностью отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а его автор П.В. Гращенков заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук

Школа лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор

В.Ю. Апресян

Подпись руки *Апресян В.Ю.* удостоверяю
реферат Федерального государственного бюджетного учреждения
Института русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
«11 июля 2014»

Гращенков П.В.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОППОНЕНТЕ

диссертационной работы **П.В. Гращенкова** «Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Фамилия, имя, отчество оппонента	Апресян Валентина Юрьевна
Шифр и наименование специальностей, по которым защищена докторская диссертация	Специальность 10.02.19 – Теория языка
Ученая степень и отрасль науки	Доктор филологических наук
Полное наименование организации, являющейся основным местом работы	Школа лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Занимаемая должность	Профессор
Почтовый индекс, адрес организации	Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Полное наименование организации, являющейся дополнительным местом работы	Сектор теоретической семантики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник
Телефон	+7-916-596-67-09
Адрес электронной почты	vapresyan@hse.ru

Список
основных
публикаций
по теме
диссертации

1. Апресян В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции "Диалог 2013". Вып. 12(19). М.: РГГУ, 2013. С. 43-57.
2. Апресян В. Ю. Контроль и отрицание: взаимодействие значений // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 3-26.
3. Apresyan V. Syntactic idioms across languages: corpus evidence from Russian and English // Russian Linguistics . 2014, Vol. 38 Issue 2, P. 187-203
4. Apresyan V. Pri vsjom X-e: a Corpus Study of a Russian Syntactic Phraseme // Meaning Text Theory: recent developments / V. Apresyan, B. Iomdin (eds.) Sonderband 85. Muenchen: Wiener Slawistischer Almanach, 2013. No. 2.1. P. 132-141.

5. Апресян В.Ю. Процессы идиоматизации и грамматикализации в нестандартных конструкциях // Материалы международной конференции «Диалог 2014». Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13 (20). М.: РГГУ, 2014. С. 12-28.
6. Апресян В.Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке (монография). ЯСК, 2015. 283 с.
7. Апресян В.Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса. РЯНО. №1 (29). 2015. С. 28-66.
8. Апресян В.Ю. Глаголы *исчезнуть* и *пропасть*: многозначность и семантическая мотивация // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Международная конференция «Диалог». Вып. 15 (22). М.: РГГУ, 2016. с. 16-27.
9. Апресян В.Ю. Валентности и модели управления у русских глаголов со значением эмоций // Výzkum slovesné valence ve slovanských zémích. Karolína Skwarska, Elżbieta Kaczmarzka (eds). Prague, 2016. pp. 227-245.
10. Apresyan V. Information structure, syntax, and pragmatics and other factors in resolving scope ambiguity // Proceedings of Coling-2016. 6 pages.
11. Апресян В. Ю. Псевдосинонимичные русские конструкции у X-а Y и у X-а есть Y в контексте изучения русского языка // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / п. ред.: Ясина Е.Г.. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 369- 379.
12. Апресян В.Ю. Двойные семантические роли в исходных и переносных значениях многозначных глаголов // Вопросы языкознания. 2017. №2. С. 7-32.

Доктор филологических наук,

Подпись: руки Апресян В.Ю. удостоверяю
 кафедра Семантического, лексического и словообразовательного языкознания
 Института русского языка
 им. В. В. Виноградова
 Российской академии наук
 "9" июня 2014

